

Москвавичи из Магнитки

Космический хулиган Павел Попович

Патриарх первого отряда космонавтов в студенчестве руководил хором и учил девочек танцевать мазурку

...Его ждали на закрытии космической выставки, которая проходила в апреле-мае этого года в Магнитогорской картинной галерее. Но прилететь в город своей юности он не смог - приболел. Очень огорчился, что так получилось.

— Павел Романович, у вас есть возможность пообщаться с читателями «Магнитогорского металла». Соглашайтесь на интервью! — обратилась к Поповичу по телефону.

Через некоторое время мы встретились в центре Москвы, на проспекте Мира. По дороге в общественную организацию «Ассоциация музеев космонавтики», которую он возглавляет, я включила диктофон...

— В Магнитке вам очень гордятся. В музее индустриально-педагогического колледжа как реликвию хранят посвященные вам материалы. Что для вас четыре года, проведенные на магнитогорской земле?

— В это время — 1947–51 годы — шло формирование моей личности. После окончания школы и ремесленного училища мне очень хотелось учиться, и мы с друзьями написали в Министерство трудовых резервов письмо с просьбой направить нас на учебу, а нужный мне строительный факультет в 47 году был только в Магнитогорском техникуме трудовых резервов. Я и еще двое моих друзей из одного ремесленного училища, что в Белой Церкви, приехали на Урал.

Ведь мы могли полететь на Луну раньше американцев примерно на год, просто надо было рискнуть

Магнитка мне сразу понравилась. Вот только в техникуме нас напугали, сказав, что мы «лишние» — в группе должно быть двадцать пять человек, а набрано уже на десяток больше. Брать нас не хотели, но нам здорово повезло. В то время еще был так называемый институт замполитов, а замполитом техникума была женщина, которая услышала в учебной части, что мы разговариваем между собой на украинском языке. Она поинтересовалась, откуда мы. Узнав, что из Белой Церкви, воскликнула: «Хлопцы, так ведь я ваша землячка!» И повела нас к директору, как оказалось, бывшему подполковнику. Он сидел в форме, мы «выглядели» около него, а наша землячка присела на диванчик. Директор удивился, почему мы не приехали в полной экипировке. Как было ему объяснить, что пока мы одиннадцатый сукот ехали из Белой Церкви в Магнитогорск, все по пути продалли? Чем-то ведь нужно было питаться... Он сказал, что группа уже набрана. А я тут же прикинул, что откуда отсюда не поеду, поработав, а на следующий год обязательно поступлю. Скинул глаза на замполита, а она подмигнула: мол, не беспокойтесь, мы вас зачислим. Нас действительно зачислили и первым делом послали в Союз копать морковь. Сентябрь... На Урале было уже холодно, а мы в хлопчатобумажных брючках и рубашках. Сверху — легкие комбинезоны, которые нам выдали... Простыли мы тогда сильно.

— Девочки из вашего хора не ревновали?

— Я с ними больше времени проводил... В нашей группе был Володя Большаков. Он играл на баяне, и нас попросили, чтобы мы учили девочек танцевать. Так я стал учителем танцев (смеется). Володя играет, а я учу девочек ту-степ и мазурку танцевать.

— Павел Романович, видимо, тогда, в Магнитке, участвуя в техникуме, занимаясь спортом и художественной самодеятельностью, вы задали себе тот стремительный ритм, которому верны были и в своей «космической» период, и сейчас...

— Пожалуй, вы правы... Нельзя сказать, что студенческие годы были беззаботными, наоборот, очень сложными и наполненными. Для меня это время пролетело как один день. Некоторые ребята приходили с занятием, жились отдыхать, а я всегда как белка в колесе. Так и дальше пошло... Магнитогорск стал для меня площадкой, с которой я стартовал в дальнейшую жизнь. Это не просто красивые слова. До Магнитки я был деревенским парнем, а через четыре года — и спортсменом, и артистом, и строителем, и погити что летчиком... Попал я в отряд космонавтов благодаря той спортивной закалке, которую получил на Магнитке. В летном училище я продолжил заниматься многими видами спорта и в 59 году прошел отбор в первый отряд космонавтов без сучка и задоринки. Интересно получилось, что среди космонавтов первого отряда только два человека прошли школу трудовых резервов: Гагарин и я. Юра закончил ремесленное училище в Люберецах, я — в Белой Церкви, дальше он учился в Саратовском техникуме трудовых резервов, закончил там же аэроклуб. У меня все это было в Магнитогорске. Потом он пошел учиться в Оренбургское летное училище, я — в Качинское. Кстати, я был на связи с Гагариним перед его первым полетом, разговаривал с ним из пускового бункера. За пять минут до старта он попросил музыку. Я в шутку его спросил: «Ора, тебе надо «ландышей»? — имея в виду песню «Ландыши», слова которой кем-то были переданы на космическую тематику. Он засмеялся, а я, покая, и все, что знал об этой передельке, тоже засмеялся, а кто не знал, интересовались, что такое Попович сказал.

— Как вы попали в летное училище?

— Когда я пошел в военкомат сниматься с учета, военком сказал: «Тебе нужно ехать в летное училище. С твоим здоровьем из тебя получится великолепный летчик-испытатель». Я ему сказал: «Есть!» — и под козырек. Перед отъездом в Новосибирск, где был филиал Качинского летного училища, я пошел прощаться с городом. Левый берег, правый берег... Кинотеатр им. Горького. Постоял у его дверей, спустился по его лестнице — грустный, с опущенной головой... Смотрю, передо мной незнакомая женщина. Она представляется мамой Нели — так звали девочку из моего хора, которая, оказывается, была в меня влюблена и все рассказала маме. Женщина пригласила к себе домой на вечер. Я удивился, как она меня нашла. Оказывается, Нелина мама догадалась, что, прощаясь с городом, я обязательно побываю у кинотеатра им. Горького, и ждала меня там. У меня было 25 рублей в кармане, и я купил конфет. А вечер был великолепный! На следующий день мы поехали на вокзал, и своему другу Пете Каничеву, который тоже ехал со мной в летное училище, сказал, что не буду больше выходить на перрон, чтобы не расстраиваться. Когда объявили посадку, я за-

лез на третью полку. Вдруг Петя заскакивает в вагон и кричит: «Паша, скорее на улицу, тебя ждут!» Я очень удивился, вышел и чуть не упал: передо мной — Тася Федорова, наша пианистка, аккордеонист и девочки из моего хора — человек пятьдесят. Они пришли прямо с работы, в комбинезонах, залапанные... Тася Федорова мне улыбнулась: «Ну, Павлич, подирижируй в последний раз!» И прямо на вокзале мы так заехали, что поезд задержали на пятнадцать минут. Начальник вокзала был в восторге, а я с сожалением сказал, что пора отправляться. Тася Федорова пригостила нас в гостиный, и девочки протянули мне конвертики, в которых были признания в любви и деньги.

— А к Неле у вас не лежало сердце?

— Мне тогда нравилась другая девочка, но взаимности она не отдала... Долгие годы я переписывался с некоторыми одноклассниками. Например, с Сергеем Красильниковым, который сейчас живет в Архангельске. В 1979 году мы с ним списались и решили через 28 лет организовать вечер встречи выпускников. И вот из тридцати пяти человек на эту встречу приехали двадцать восемь. Зашли в свой класс. Наша классная руководительница Вера Александровна встретила нас, села за стол, достала наш журнал... Мы заняли свои учебнические места и рассказали о себе. Кстати, в Магнитогорске я летал на ИЛ-14, сев правым летчиком, ведь я прекрасно помнил, где какие развороты над городом делать — недаром учился в аэроклубе. Приземлился. Смотрю — народу много, и среди всех выделяются студенты с красными повязками. Только мы открыли двери, я шагнул на трап, а толпа ко мне как хлынет! И такая давка началась! Я практически прямо с борта ИЛ-14 прыгнул под самолет, рванул до первой машины и крикнул водителю: «Вперед!» А когда уезжал из Магнитки, дорогу к самолету для меня с двух сторон огородили железным забором.

— В то время появление космонавта вызвало всеобщее ликование, на него смотрели как на небожителя, героя, волшебника... Идеалы студенчества, подростков и детворы нынче поменялись. Раньше каждый мальчишка мечтал быть летчиком или космонавтом — сейчас же сплошь бизнесменом. И все же в Магнитогорске — городе-романтике — наверняка есть мальчишки, мечтающие о космосе. Что бы вы им пожелали?

— Ребятам надо обязательно учиться, заниматься физической культурой и спортом, надо любить свою Родину. Выше образование — нынче первое условие для кандидата в космонавты. А работы хватит всем, ибо космос безграничен. Мы же только робко и чуть-чуть проникли туда. Слетали вокруг Земли, слетали на Луну, а еще сколько неоткрытых планет! Таких Солнечных систем, как наша, мил-

лионов! Жаль, что нынче все хотят стать новыми русскими, а не инженерами, металлургами, врачами...

— Тридцать два года назад вы совершили свой последний полет. Тоскуете по космосу?

— Тоскую. Если бы у меня было 20 миллионов баксов (смеется), я бы за год привел себя в порядок в физическом плане и с удовольствием полетел на неделю, чтобы еще раз посмотреть на Землю.

— Когда Гагарин с огромной высоты увидел нашу планету, воскликнул: «Ой, какая она красивая!» А когда вы увидели впервые подобную панораму...

— Воскликнул то же самое. Она очень красивая. На земле она красивая, а из космоса... У меня отношение к ней очень нежное. Даже большинство американских астронавтов после полета в космос говорили, что эту Землю беречь надо, нельзя устраивать никаких войн. Я хоть и военный человек до мозга костей, но борюсь только за мир. Мы уже сейчас довели Землю до очень плохого состояния. Я категорически не согласен с теми, кто говорит, что земля — это недвижимость. Нет, земля — живой организм, реагирующий на то, как к ней относятся. Сейчас в отдельном городе нельзя сохранить экологическую чистоту, этот вопрос можно решить только глобально. В Чили — извержение вулкана, а солёные дожди выпадают в Китае. Соединенные Штаты терзают тайфуны, а их отголоски доходят до нас.

— Какая для вас самая загадочная планета?

— Если говорить о загадочности, то это женщина (Улыбается). А вообще — Венера. Что-то на ней непонятное творится. Большое давление, температура высокая...

— Вас вместе с другими советскими космонавтами готовили по «лунной» программе, но первыми спутник Земли послали американцы. Вы сильно расстроились?

— Как не расстроиться, ведь мы могли полететь на Луну раньше американцев примерно на год, просто надо было рискнуть. Природа еще никогда запросто не раскрывала своих секретов, да и мы понимали, что это рискованная работа: при возвращении на Землю велика была опасность стать ее искусственным спутником. Тем не менее, очень хотелось лететь на Луну. Когда мы поняли, что не полетим на Луну, решили устроить хохмочку. Вошли в наши пилотируемые «Союзы», соединили перемильчицы приемники передатчика Луны, я заговорил, и мой голос побывал на Луне. На одну-две минуты я поставил американцев на уши! Когда советник президента Соединенных Штатов Фрэнк Борман прилетел в СССР, он сказал мне: «Поль, поднимаю я трубку, а президент оша-

Первый отряд советских космонавтов. Сидят в первом ряду слева направо: Павел Попович, Виктор Горбатко, Евгений Хрунов, Юрий Гагарин, Сергей Павлович Королев, его жена Нина Королева с дочкой Поповича Наташей, Евгений Карпов, Николай Никитин (тренер по парашютной подготовке), Евгений Федоров (врач). Стоят во втором ряду слева направо: Алексей Леонов, Андриян Николаев, Марс Рафиков, Дмитрий Заикин, Борис Вольнов, Герман Титов, Григорий Нелюбов, Валерий Быковский, Георгий Шонин. В заднем ряду слева направо: Валентин Филатов, Иван Анников и Павел Бельев. На фото отсутствуют: Анатолий Карташов, Валентин Варламов, Валентин Бондаренко и Владимир Комаров. (Май 1961, Сочи).

рашивает меня вопросом: почему Попович говорил с Луны?» С тех пор американцы прозвали меня «космическим хулиганом».

— Ваши внуки, наверное, очень гордятся дедушкой...

— А я ими. Моя старшая внучка Таня заканчивает МГИМО. Одну из курсовых работ она писала о космосе, и я ей здорово помог. Внук Майкл, которого я называю Миня, родился в Англии и еще учится в школе. Год назад у него появилась сестренка Александра. Глазастая такая девочка, шалунья, уже бегает.

— Откройте секрет, Павел Романович, как вам удается быть в такой отличной форме? С трудом верится, что вам семьдесят пять...

— У меня нет времени заниматься спортом, но я каждый день, и в том числе сегодня, перед встречей с вами, сорок пять минут занимаюсь зарядкой. Я разработал специальную систему упражнений, некоторые выдумал сам, многое взял у академика Миклулина и других. Страстно увлекаюсь зимней и летней рыбалкой. Опыт в этом деле у меня ко-

лоссальный: рыбачу с 1962 года, после того как совершил свой первый полет. Мой друг научил меня рыбачить, и теперь я его «облавливаю». Люблю бывать на Учинском водохранилище, которое находится в сорока минутах езды от моего дома. Для меня это спорт. Кстати, я — болельщик магнитогорского хоккея. Очень рад, что в городе моей юности такая хорошая команда.

— Магнитогорчан вы бы пожелали...

— Что можно пожелать чудесному городу, его жителям, которому, в общем-то, отдали лучшие годы жизни? Четыре года — это довольно приличный срок. Пусть Магнитка процветает, потому что она должна занимать достойное место не только в стране, но и в мире по всем своим параметрам. Ее жителям хочется пожелать здоровья и добра и сказать: дорогие мои магнитогорцы, все мы ходим под Богом, поэтому относимся друг к другу очень чутко, в любой ситуации любой вопрос старайтесь решить мирным путем.

— Павел Романович, у вас красивый голос...

— У меня был драматический тенор, считается, что это очень редкий голос. Я не курю, семечек не грызу, мороженое не кушал, иногда только по разрешению Таси Федоровны мог пригубить яблочной настойки. В пятидесятый год меня и дочку Лешу пригласили учиться четыре консерватории: Че-

любинская, Свердловская, Московская и Киевская, но я сказал, что хочу и буду летать... Это была моя еще довоенная мечта. На моей родине был аэродром, и я любил лазить по самолетам. Летчик дядя Семен разрешал посидеть в своей кабине. Во время войны я наблюдал за самолетами в воздушном бою и мне хотелось быть летчиком-истребителем. И вот я на Магнитке приблизился к своей мечте... Как-то к нам в группу зашел человек в кожаной куртке и спросил, кто хочет летать. Я сразу — руку вверх, стал заниматься в аэроклубе. Еще с самого начала учебы в техникуме трудовых резервов я увлекался спортом: легкой атлетикой, гиревым спортом, акробатикой и штангой. Однажды в зал, где мы занимались штангой, зашел тренер по боксу и заметил, что у меня есть способности к этому виду спорта. Я весил тогда 65 кг, а штангу жад 82,5 кг. Тренер подошел ко мне и удивился, чем я жму — бицепсов не видно. «Зубами», — отшутился я. Обожаю и эстафетный спорт — бегал на длинные дистанции, и меня ставили на так называемый «бегунок», где надо было бежать вверх. А для меня было все равно — жать сто метров или пять километров. Помимо этого я был членом бюро горкома комсомола, преподавал историю СССР в ЦУМе Магнитогорска. Слушателями были молодые сотрудники универмага. Они приходились на мои лекции, как на свидания: ведь я тогда был молодой, симпатичный, голубоглазый, в наутюженной форме...

— Как вы попали в летное училище?

— Когда я пошел в военкомат сниматься с учета, военком сказал: «Тебе нужно ехать в летное училище. С твоим здоровьем из тебя получится великолепный летчик-испытатель». Я ему сказал: «Есть!» — и под козырек. Перед отъездом в Новосибирск, где был филиал Качинского летного училища, я пошел прощаться с городом. Левый берег, правый берег... Кинотеатр им. Горького. Постоял у его дверей, спустился по его лестнице — грустный, с опущенной головой... Смотрю, передо мной незнакомая женщина. Она представляется мамой Нели — так звали девочку из моего хора, которая, оказывается, была в меня влюблена и все рассказала маме. Женщина пригласила к себе домой на вечер. Я удивился, как она меня нашла. Оказывается, Нелина мама догадалась, что, прощаясь с городом, я обязательно побываю у кинотеатра им. Горького, и ждала меня там. У меня было 25 рублей в кармане, и я купил конфет. А вечер был великолепный! На следующий день мы поехали на вокзал, и своему другу Пете Каничеву, который тоже ехал со мной в летное училище, сказал, что не буду больше выходить на перрон, чтобы не расстраиваться. Когда объявили посадку, я за-

лез на третью полку. Вдруг Петя заскакивает в вагон и кричит: «Паша, скорее на улицу, тебя ждут!» Я очень удивился, вышел и чуть не упал: передо мной — Тася Федорова, наша пианистка, аккордеонист и девочки из моего хора — человек пятьдесят. Они пришли прямо с работы, в комбинезонах, залапанные... Тася Федорова мне улыбнулась: «Ну, Павлич, подирижируй в последний раз!» И прямо на вокзале мы так заехали, что поезд задержали на пятнадцать минут. Начальник вокзала был в восторге, а я с сожалением сказал, что пора отправляться. Тася Федорова пригостила нас в гостиный, и девочки протянули мне конвертики, в которых были признания в любви и деньги.

— А к Неле у вас не лежало сердце?

— Мне тогда нравилась другая девочка, но взаимности она не отдала... Долгие годы я переписывался с некоторыми одноклассниками. Например, с Сергеем Красильниковым, который сейчас живет в Архангельске. В 1979 году мы с ним списались и решили через 28 лет организовать вечер встречи выпускников. И вот из тридцати пяти человек на эту встречу приехали двадцать восемь. Зашли в свой класс. Наша классная руководительница Вера Александровна встретила нас, села за стол, достала наш журнал... Мы заняли свои учебнические места и рассказали о себе. Кстати, в Магнитогорске я летал на ИЛ-14, сев правым летчиком, ведь я прекрасно помнил, где какие развороты над городом делать — недаром учился в аэроклубе. Приземлился. Смотрю — народу много, и среди всех выделяются студенты с красными повязками. Только мы открыли двери, я шагнул на трап, а толпа ко мне как хлынет! И такая давка началась! Я практически прямо с борта ИЛ-14 прыгнул под самолет, рванул до первой машины и крикнул водителю: «Вперед!» А когда уезжал из Магнитки, дорогу к самолету для меня с двух сторон огородили железным забором.

— В то время появление космонавта вызвало всеобщее ликование, на него смотрели как на небожителя, героя, волшебника... Идеалы студенчества, подростков и детворы нынче поменялись. Раньше каждый мальчишка мечтал быть летчиком или космонавтом — сейчас же сплошь бизнесменом. И все же в Магнитогорске — городе-романтике — наверняка есть мальчишки, мечтающие о космосе. Что бы вы им пожелали?

— Ребятам надо обязательно учиться, заниматься физической культурой и спортом, надо любить свою Родину. Выше образование — нынче первое условие для кандидата в космонавты. А работы хватит всем, ибо космос безграничен. Мы же только робко и чуть-чуть проникли туда. Слетали вокруг Земли, слетали на Луну, а еще сколько неоткрытых планет! Таких Солнечных систем, как наша, мил-

лионов! Жаль, что нынче все хотят стать новыми русскими, а не инженерами, металлургами, врачами...

— Тридцать два года назад вы совершили свой последний полет. Тоскуете по космосу?

— Тоскую. Если бы у меня было 20 миллионов баксов (Улыбается), я бы за год привел себя в порядок в физическом плане и с удовольствием полетел на неделю, чтобы еще раз посмотреть на Землю.

— Когда Гагарин с огромной высоты увидел нашу планету, воскликнул: «Ой, какая она красивая!» А когда вы увидели впервые подобную панораму...

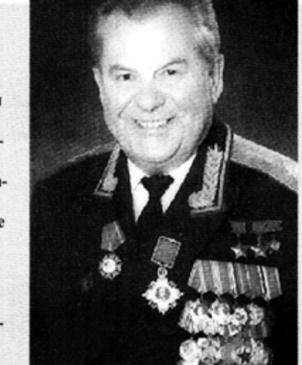
— Воскликнул то же самое. Она очень красивая. На земле она красивая, а из космоса... У меня отношение к ней очень нежное. Даже большинство американских астронавтов после полета в космос говорили, что эту Землю беречь надо, нельзя устраивать никаких войн. Я хоть и военный человек до мозга костей, но борюсь только за мир. Мы уже сейчас довели Землю до очень плохого состояния. Я категорически не согласен с теми, кто говорит, что земля — это недвижимость. Нет, земля — живой организм, реагирующий на то, как к ней относятся. Сейчас в отдельном городе нельзя сохранить экологическую чистоту, этот вопрос можно решить только глобально. В Чили — извержение вулкана, а солёные дожди выпадают в Китае. Соединенные Штаты терзают тайфуны, а их отголоски доходят до нас.

— Какая для вас самая загадочная планета?

— Если говорить о загадочности, то это женщина (Улыбается). А вообще — Венера. Что-то на ней непонятное творится. Большое давление, температура высокая...

— Вас вместе с другими советскими космонавтами готовили по «лунной» программе, но первыми спутник Земли послали американцы. Вы сильно расстроились?

— Как не расстроиться, ведь мы могли полететь на Луну раньше американцев примерно на год, просто надо было рискнуть. Природа еще никогда запросто не раскрывала своих секретов, да и мы понимали, что это рискованная работа: при возвращении на Землю велика была опасность стать ее искусственным спутником. Тем не менее, очень хотелось лететь на Луну. Когда мы поняли, что не полетим на Луну, решили устроить хохмочку. Вошли в наши пилотируемые «Союзы», соединили перемильчицы приемники передатчика Луны, я заговорил, и мой голос побывал на Луне. На одну-две минуты я поставил американцев на уши! Когда советник президента Соединенных Штатов Фрэнк Борман прилетел в СССР, он сказал мне: «Поль, поднимаю я трубку, а президент оша-

ПОПОВИЧ Павел Романович
Космонавт России. Родился 5 октября 1930 года в поселке Узин Киевской области. В годы Великой Отечественной войны оказался на территории оккупированной фашистскими войсками. Поступил подручным кофегара на завод, учился в ремесленном училище в Белой Церкви. В 1947 году получил квалификацию столяра пятого разряда, с отличием окончил семь классов вечерней школы. В том же году поступил в Магнитогорский индустриальный техникум трудовых резервов, через четыре года получил диплом техника-строителя. После Качинского военного авиационного училища летчиком имени А. Мясникова служил в частях Военно-Воздушных Сил СССР. В 1960 году зачислен в отряд советских космонавтов. 15 августа 1962 года совершил первый космический полет на корабле «Восток-4». Это был уникальный групповой полет продолжительностью 2 суток 22 часа 57 минут двух пилотируемых космических кораблей. В 1968 году окончил Военно-воздушную академию имени Н. Жуковского. 3–19 июля 1974 года совершил второй космический полет в качестве командира корабля «Союз-14» и орбитальной станции «Салют-3». Это был первый полет на орбитальной станции продолжительностью 15 суток 17 часов 27 минут, носивший чисто военный характер. Дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, почетный гражданин городов Магнитогорск, Калуга, Южно-Сахалинск, Полтава, Запорожье.

рашивает меня вопросом: почему Попович говорил с Луны?» С тех пор американцы прозвали меня «космическим хулиганом».

— Ваши внуки, наверное, очень гордятся дедушкой...

— А я ими. Моя старшая внучка Таня заканчивает МГИМО. Одну из курсовых работ она писала о космосе, и я ей здорово помог. Внук Майкл, которого я называю Миня, родился в Англии и еще учится в школе. Год назад у него появилась сестренка Александра. Глазастая такая девочка, шалунья, уже бегает.

— Откройте секрет, Павел Романович, как вам удается быть в такой отличной форме? С трудом верится, что вам семьдесят пять...

— У меня нет времени заниматься спортом, но я каждый день, и в том числе сегодня, перед встречей с вами, сорок пять минут занимаюсь зарядкой. Я разработал специальную систему упражнений, некоторые выдумал сам, многое взял у академика Миклулина и других. Страстно увлекаюсь зимней и летней рыбалкой. Опыт в этом деле у меня ко-

лоссальный: рыбачу с 1962 года, после того как совершил свой первый полет. Мой друг научил меня рыбачить, и теперь я его «облавливаю». Люблю бывать на Учинском водохранилище, которое находится в сорока минутах езды от моего дома. Для меня это спорт. Кстати, я — болельщик магнитогорского хоккея. Очень рад, что в городе моей юности такая хорошая команда.

— Магнитогорчан вы бы пожелали...

— Что можно пожелать чудесному городу, его жителям, которому, в общем-то, отдали лучшие годы жизни? Четыре года — это довольно приличный срок. Пусть Магнитка процветает, потому что она должна занимать достойное место не только в стране, но и в мире по всем своим параметрам. Ее жителям хочется пожелать здоровья и добра и сказать: дорогие мои магнитогорцы, все мы ходим под Богом, поэтому относимся друг к другу очень чутко, в любой ситуации любой вопрос старайтесь решить мирным путем.

Инна ВОСКОВОЙНИКОВА.
Москва-Магнитогорск.